

УДК 343.953

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(2).380-387

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ УТОЧНЕНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РЕДАКЦИИ СТАТЬИ 107 УК РФ

Т.П. Будякова*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления
29 января 2015 г.Дата принятия в печать
28 апреля 2017 г.Дата онлайн-размещения
21 июня 2017 г.

Ключевые слова

Жертва; преступник; аффект;
справедливость;
судебно-психологическая
экспертиза; убийство

Аннотация. В статье предлагается дополнить действующую редакцию ст. 107 УК РФ с целью усиления ее виктимологической направленности. Совершившие убийство в состоянии аффекта в связи с виновным поведением потерпевшего в виктимологии традиционно рассматриваются как особые типы жертв. Однако не все из них заслуживают виктимологической защиты. Автор показывает, что основной линией развития уголовного законодательства в Российской империи, Советской и современной России по вопросу уголовной ответственности за аффектированное убийство являлось точное очерчивание круга извинительных условий, при которых убийство в состоянии аффекта относилось к привилегированным видам убийства. Действующая редакция ст. 107 УК РФ фактически позволяет оправдывать аморальные и противоправные действия виновного в убийстве в состоянии аффекта, которые осуществлены им сразу после совершения преступления и в связи с ним. К таким действиям относится сокрытие следов преступления (в том числе путем расчленения трупа и последующего утаивания останков или их уничтожения, кражи личных вещей убитого и др.). Такое поведение характеризует виновного как общественно опасное лицо, не заслуживающее статуса особой жертвы и применения к нему состава привилегированного убийства. Очевидно, что требование справедливости наказания не позволяет применять особое снисхождение со стороны законодателя к таким лицам, и преступники в этих случаях не заслуживают значительного смягчения ответственности, определяемого уголовным законом для аффектированных преступлений. В статье также анализируются проблемы судебной психологической экспертизы аффекта.

VICTIMOLOGICAL ADJUSTMENT OF THE CURRENT VERSION OF ARTICLE 107 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tatjana P. Budjakova*Bunin Yelets State University, Yelets, the Russian Federation*

Article info

Received
2015 January 29Accepted
2017 April 28Available online
2017 June 21

Keywords

The victim; the offender; affect;
justice; forensic psychological
examination; murder

Abstract. The paper suggests adjustments for the current version of Art. 107 of the Criminal Code of the RF with the purpose of strengthening its victimological orientation. Persons who commit murder in a state of affect connected with the wrongful behavior of the victim are traditionally viewed in victimology as a special type of victims. However, not all of them deserve victimological protection. The author shows that the key trend in the development of criminal legislation in the Russian Empire, in Soviet and contemporary Russia regarding the criminal liability for a murder in affect state was a clear delineation of the range of pardonable circumstances under which a murder in a state of affect would be considered a privileged type of murder. The current version of Art. 107 of the CC of the RF in fact makes it possible to justify those amoral and illegal actions of the person guilty of murder in a state of affect which were committed immediately after and in connection with the crime. These actions include concealing traces of crime (including dismembering a body and the subsequent concealment or destruction of body parts, theft of the victim's personal items, etc.). Such behavior characterizes the guilty person as a publicly dangerous individual who does not deserve the status of a special victim and the application of a privileged murder corpus delicti. It is evident that a demand for just punishment does not allow the lawmakers to use redemption for these persons; in such cases the criminals are not worthy of any considerable leniency application that the law stipulates for crimes in a state of affect. The paper also analyzes the issues of forensic psychological examination of affect.

Статистические данные за последние пять лет (с 2012 по 2017 г.) показывают снижение в России количества регистрируемых преступлений, в том числе убийств. Вместе с тем официальная общедоменная статистика не фиксирует долю преступлений, совершенных в состоянии аффекта, в общем массиве преступлений против личности¹. При этом данные статистических отчетов судов показывают, что количество убийств, совершенных в состоянии аффекта, остается стабильным в течение ряда лет. Кроме того, в криминологических исследованиях отмечается, что реальные показатели преступности часто не совпадают с данными официальной статистики. Так, увеличение количества жертв насильственных преступлений против личности в последние несколько лет, установленное в американских исследованиях, не коррелирует с выводами статистических служб официальных органов США, показывающих, наоборот, положительную динамику в плане снижения общего числа указанных преступлений. Аналогичная тенденция отмечалась и российскими криминологами при анализе российской преступности [1; 2]. Эти обстоятельства побуждают к исследованию рассматриваемого вида преступлений.

В виктимологической литературе уже давно сформировалось мнение о том, что лица, совершающие преступление в состоянии аффекта, как правило, изначально являются жертвами тех людей, на которых затем ими было направлено ответное криминальное воздействие. Таким жертвам с точки зрения виктимологии требуется виктимологическая защита [3; 4], а уголовный закон предусматривает в подобных случаях значительное смягчение наказания для преступников (ст. 107 и 113 УК РФ). Однако судебная практика показывает, что не всегда первичная жертва аффектированного убийства заслуживает виктимологической защиты, напротив, имеет место необходимость коррекции личности такой «жертвы».

Кроме того, в криминалистической литературе сложилось ошибочное представление о том, что «концепция аффекта в УК РФ — это попытка гуманизации уголовной ответственности и наказания за насильственные преступления лиц без антисоциальных установок, криминальной направленности, уголовного прошлого» [5, с. 253]. Однако формулировка действующей

нормы УК РФ не подтверждает этого. Буквальный смысл ст. 107 и 113 УК РФ заключается в том, что ключевыми признаками для квалификации преступлений, предусмотренных названными статьями, являются наличие аффекта в момент совершения преступления, виновное поведение жертвы, вызвавшее этот аффект, или длительная психотравмирующая ситуация, созданная жертвой. Никаких дополнительных требований к лицу, совершившему преступление в состоянии аффекта, в виде конститутивных признаков уголовный закон не предусматривает.

Вместе с тем при расследовании убийств, применительно к которым предварительный умысел неочевиден, часто возникает вопрос, надо ли при квалификации деяния по ст. 107 УК РФ учитывать поведение лица после совершения убийства. Действующая редакция Уголовного кодекса России не содержит такого ограничения для непризнания лица совершившим преступление в состоянии аффекта. К этому аргументу часто прибегают лица, привлекающиеся к уголовной ответственности за убийство, совершившие сразу после него ряд антиобщественных действий, требуя квалифицировать совершенное ими деяние по ст. 107 УК РФ. Для большей аргументации приведем несколько примеров убийств, обстоятельства совершения которых позволяют предполагать, что преступление было совершено в состоянии аффекта.

В январе 2013 г. столичный ресторатор Алексей Кабанов убил свою супругу радиожурналистку Ирину, после чего расчленил и спрятал ее тело в собственном автомобиле. При этом мужчина подал заявление об исчезновении жены и регулярно сообщал о ходе ее поисков в одной из социальных сетей. Впоследствии останки убитой были обнаружены полицейскими, а Кабанову было предъявлено обвинение в убийстве.

Преступление вызвало широкий общественный резонанс, поэтому к личности преступника и к обстоятельствам совершения преступления было приковано повышенное внимание. В интервью, данном РИА «Новости», А. Кабанов утверждал, что совершил преступление в состоянии аффекта, и настаивал на назначении судебно-психологической экспертизы: «Мне предъявили обвинение, которое я не был согласен подписывать. Там была написана какая-то ерунда о том, что преступление было совершено цинично, умышленно, с осознанием общественной опасности. Я говорю: да, я убил, но вот

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/how>.

того, что написано, там не было. Я утверждаю, что совершил убийство в состоянии аффекта. Кто-то может решить, что я кого-то хочу разжалобить, но под аффект закосить невозможно, там есть четко определенные границы. Следователи считают, что аффекта не было, я считаю — был». В этой позиции его поддерживали и адвокаты. Отвечая на вопрос, не кажется ли ему странным, что он убил свою жену, расчленил труп, признал вину, а потом стал говорить, что это все случилось в состоянии аффекта, Кабанов не признал этот аргумент в качестве отрицающего факт аффекта в момент совершения убийства².

Примеров расчленения трупов для сокрытия следов преступления в следственной практике предостаточно. В ряде случаев такие обстоятельства могут быть последствием убийства, совершенного в состоянии аффекта. Приведем еще один пример.

По версии следствия, 31 декабря 2012 г. в период с 01:00 до 02:00 К. распивала спиртные напитки в квартире, принадлежащей Л. На почве внезапно возникших личных неприязненных отношений К. нанесла Л. один удар кухонным ножом в область шеи. Продолжая свои преступные действия с целью скрыть следы преступления, в период с 02:00 до 08:00 К. и ее родная сестра П., которую она вызвала для помощи, расчленили тело убитой. После этого они упаковали части тела и орудие преступления и на автомобиле, принадлежащем К., отвезли их до территории садоводческого товарищества для сокрытия. Также сестрами из квартиры было похищено имущество Л. на общую сумму более 17 тыс. р. (сотовый телефон, ноутбук, косметичка, перчатки и т.д.).

Органы следствия, как и в предыдущем случае, настаивали на версии умышленного убийства³, хотя обстоятельства деяния могут свидетельствовать и о совершении преступления в состоянии аффекта.

Логика следователей в приведенных примерах такова: преступники действовали вполне рассудочно при сокрытии следов преступления, поэтому и аффекта не было. Однако физиологический аффект — состояние кратковременное, после него практически сразу же восстанавливается волевая регуляция поведения и контроль своих действий. Поведение после совершения

аффектированного преступления не может быть признаком отсутствия аффекта. Более того, психологи-эксперты обращают внимание на то, что даже переживания в виде чувства раскаяния, жалости к потерпевшему после осознания произошедшего не относятся к критериям диагностики физиологического аффекта, «поскольку отражают не динамику и глубину эмоционального возбуждения, а относятся к реакции обвиняемого на случившееся» [6, с. 20].

Вместе с тем общественное сознание осуждает поведение, нарушающее правовые и моральные нормы, особенно если оно последовало за совершением убийства.

Очевидно, что требование справедливости наказания не позволяет применять особое снисхождение со стороны законодателя в описанных выше ситуациях, и преступники в таких случаях не заслуживают значительного смягчения ответственности, определяемого уголовным законом для аффектированных преступлений. Однако действующая редакция ст. 107 УК РФ не обеспечивает реализацию этой установки.

Приведем еще один пример, когда после убийства не было расчленения трупа и иного сокрытия следов преступления, однако действия виновного после совершения убийства явно свидетельствовали о том, что он не только не раскаивается в совершенном преступлении, но и считает свое поведение после преступления социально разумным.

Безработный без определенного места жительства С. поздно вечером пришел к А., которая торговала на дому самогоном, с просьбой продать ему алкоголь. А. отказалась, при этом грубо сказала С., что он и такие, как он, алкаши и ненужные люди мешают ей отдыхать. Оскорбленный С. от обиды ударил А. ножом. От полученной раны А. скончалась на месте. Сразу после убийства С. достал из ее холодильника продукты, разогрел их на сковороде и поужинал. После трапезы С. пошел в ванную комнату и помылся. Затем он нашел в вещах погибшей подходящие ему чистые вещи и переоделся в них. Найдя деньги и драгоценные украшения (которые затем попытался продать), он покинул квартиру убитой. Объясняя свое поведение после убийства, С. заявил, что совершил убийство в состоянии аффекта, а когда аффект прошел, то постарался извлечь из ситуации максимум пользы⁴. Такая прагматичность, конечно, менее

⁴ Архив Елецкого городского суда. Уголовное дело № 1-272/2012.

² Длинная пауза ужаса [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/09/24/kabanov1>.

³ В суде начинается рассмотрение дела об убийстве Софьи Лукьяновой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lipetskmedia.ru/news/view>.

ужасна, чем расчленение трупа. Однако уголовный закон в случае положительных результатов судебно-психологической экспертизы по выявлению аффекта в момент совершения преступления фактически снисходительно отнесся бы к лицу, которое по своим моральным характеристикам, проявившимся сразу после совершения убийства, заслуживает порицания.

Таким образом, действующая формулировка ст. 107 УК РФ защищает преступников, которые хотя, возможно, и совершают убийство в состоянии аффекта, но далее предпринимают действия по сокрытию следов преступления (например, расчленение трупов, чтобы спрятать останки) или ведут себя иным аморальным или противоправным образом сразу после совершения убийства, т.е. общественно опасных по своей социально-психологической природе субъектов, поскольку главным для квалификации аффектированного преступления является наличие аффекта в момент совершения преступления и наличие извинительного повода к нему.

Развитие российского уголовного законодательства в целом шло в направлении ограничения круга случаев, когда аффект признавался извинительным обстоятельством убийства.

Уголовное уложение Российской империи 1848 г. предусматривало смягчение уголовной ответственности за совершение убийства в состоянии аффекта только при условии, что аффект был вызван обидами, оскорблениями или иными поступками лица, которому виновный сделал или покунулся сделать зло. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. еще более ограничил варианты смягчения наказания при совершении преступления в состоянии аффекта, указав в качестве дополнительного ограничительного обстоятельства то, что аффект должен возникнуть не по вине самого подсудимого (ч. 13 гл. 1 Устава). Такая же позиция законодателя была выдержана и в более поздних редакциях Уголовного уложения (1871 г.). Только в редакции ч. 1 ст. 457 Уголовного уложения 1903 г., последнего кодифицированного уголовно-правового акта Российской империи, содержалась норма, предусматривающая уменьшенное наказание за убийство, совершенное в состоянии аффекта, независимо от условий его совершения. Виновный в убийстве, задуманном и выполненном в порыве сильного душевного волнения, наказывался каторгой на срок не свыше восьми лет. Только квалифицированный случай по-

добного убийства предполагал наличие такого условия, еще более смягчающего наказание, как противозаконное насилие над личностью или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего, если именно оно вызвало аффект. Виновный в данных случаях наказывался еще более мягко — пребыванием в исправительном доме или заключением в крепости.

Однако послереволюционный законодатель посчитал, что введение ограничительных условий для смягчения наказания при совершении преступления в состоянии аффекта все-таки необходимо. Уже первый УК РСФСР 1922 г. повторил редакцию дореволюционного Уложения 1871 г. Статья 104 кодекса в качестве квалифицирующих признаков убийства, совершенного под влиянием сильного душевного волнения, устанавливала, в частности, факт наличия противозаконного насилия или тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего, а равно иные противозаконные действия потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Эта же позиция в целом отражена и в действующей редакции уголовного закона России.

Таким образом, в уголовно-правовой доктрине победила установка, согласно которой сам факт пребывания в момент совершения преступления в состоянии аффекта не является достаточным основанием для применения привилегированных составов при квалификации деяния. Ведь аффект, в частности, может быть вызван и правомерными действиями потерпевшего.

Очень актуально и современно звучат слова выдающегося криминалиста XIX в. Н.С. Таганцева, высказанные по этому поводу: «Преступление есть продукт не только одних внешних обстоятельств, но и характера, темперамента человека, результат отсутствия в нем привычек к правомерной жизни; борьба с этими внутренними элементами преступления составляет один из моментов наказания. <...> Допустима ли безнаказанность деяний, учиненных в аффекте, в порыве страсти? Не придется ли тогда открыть свободный путь всякой необузданности, животным инстинктам, возможно ли будет охранять государство, общественный порядок и спокойствие?» [7].

Развивая эту тему в современном ракурсе, можно сформулировать проблему таким образом: допустимо ли снисходительно относиться к

виновным в совершении преступления в состоянии аффекта, если сразу после его совершения они доказывают аморальность своей личности и, по сути, совершают шаги, говорящие об отсутствии даже намерений деятельного раскаяния? Заслуживают ли они снисхождения закона и смягченной ответственности?

Вполне современной видится позиция российских юристов XIX в. и о технике формулирования норм закона: «Закон... должен быть так выражен, чтобы не допускать расширения его применения за пределы предназначенной цели»⁵. К целям наказания действующий уголовный закон относит восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Правильная формулировка уголовно-правовой нормы должна способствовать этим целям. Очевидно, что заслуживать снисхождения первичная жертва, совершившая убийство в состоянии аффекта, будет только в случае, если она не пыталась скрыть следы преступления и не вела себя сразу же после совершения преступления с нарушением общеморальных или правовых норм.

В связи со сказанным представляется вполне обоснованным, если диспозиция ст. 107 УК РФ будет сформулирована в следующей редакции: «1. Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, в случае отсутствия противоправных или аморальных действий виновного сразу после совершения преступления — наказывается...» (далее по тексту действующей нормы).

Некоторые авторы видят разрешение проблем квалификации убийства в состоянии аффекта в придании судебно-психологической экспертизе аффекта статуса обязательной [5]. Между тем выводы такой экспертизы не всегда дают однозначный ответ на вопрос, было ли совершено преступление в состоянии аффекта. Так, в частности, «в компетенцию эксперта-психолога не входит установление достоверности

факта совершения подэкспертным инкриминируемых ему деяний... установление совершения потерпевшим конкретных действий и квалификация последних в качестве аморальных или противоправных» [6, с. 12]. Эксперт использует материалы уголовного дела для его психологического анализа, отвечая, в частности, на вопрос, могли ли указанные в нем обстоятельства в принципе привести к аффективному взрыву у подэкспертного лица. В ситуации убийства без свидетелей психолог опирается лишь на материалы допроса обвиняемого. Психологические методики, используемые в ходе экспертного исследования, помогают только выявить определенные аффектогенные следы в психике подэкспертного, но не позволяют точно установить их причину. А причиной может быть и сама ситуация уголовного преследования, и страх последствий содеянного, и др. В некоторых исследованиях предлагают выявлять наличие чувства вины и стыда у совершившего преступление, чтобы установить его эмоциональное состояние в момент совершения преступления [8]. Возражения против такого подхода те же: чувство вины и стыда может быть обусловлено осознанием содеянного, но не является индикатором пережитого аффекта в момент совершения преступления.

Отсюда, как справедливо полагает А.А. Чугунов, при «назначении экспертизы эксперту-психологу должен ставиться вопрос не о наличии или отсутствии у виновного состояния аффекта во время совершения преступления, а лишь о возможности наличия или отсутствия такового» [9, с. 6].

Кстати, в «Объяснениях к проекту Уголовного Уложения Редакционной Комиссии» в ходе дискуссии была высказана общая установка о том, что надо сформулировать «такое определение аффекта, определение наличия которого не требовало бы заключения судебной экспертизы, так как не вызывало бы разных толкований»⁶. По такому пути, в частности, пошел современный законодатель Австрии.

УК Австрии в § 76 так формулирует привилегированный состав убийства: «Кто поддается всем понятному сильному душевному переживанию настолько, что убивает другого человека, наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет». Австрийский законодатель пользуется формулировкой «всем понятное ду-

⁵ Уголовное Уложение. Объяснения к проекту Редакционной Комиссии. СПб., 1895. Т. 6. Гл. 20–27. С. 81.

⁶ Уголовное Уложение... С. 83.

шевное волнение». Если волнение таково, что всем понятно, то нет необходимости прибегать к судебно-психологической экспертизе. Подобный подход прослеживается и в некоторых научных исследованиях. Так, при квалификации аффектированных преступлений предлагается выявлять наличие аффекта у виновного косвенным путем, оценивая личность и провокационное поведение потерпевшего. К примеру, предлагается оценивать тяжесть провокации, субъективное отношение жертвы к своему поведению, ее мотивы, знание ею индивидуальных особенностей психики виновного и их злонамеренный учет в провокации [10]. В зарубежной литературе в таких случаях используют термин «самоконтроль жертвы», т.е. осознание ею своего провокационного поведения [11].

Проблема достоверности экспертных данных обсуждается и в доктринальной литературе, посвященной проблемам современной российской криминалистики. В.Я. Колдин совершенно справедливо отмечает, что нужно повышать технологический уровень судебных экспертиз [12]. При этом если речь идет о судебно-психологической экспертизе, то до сих пор она является продуктом прежде всего творчества (искусства) судебного психолога-эксперта, а не результатом применения передовых экспертных технологий [13].

О сложности и неоднозначности понимания в правовой литературе содержания понятий «аффект» и «уголовно-правовой аффект» можно судить на примере некоторых авторских определений аффекта. Так, А.В. Коломина дает следующее определение: «Аффект — это психическое явление, в отдельных случаях опосредованное юридическими нормами, оказывающее существенное влияние на правовые отношения, выражающееся в определенных эмоциональных состояниях и сопровождающееся видимыми изменениями в сознании и поведении субъекта» [14, с. 8].

Данная дефиниция — попытка сформулировать новое психологическое определение аффекта, удобное для правоприменения. Оно явно неудачное, поскольку аффект не просто психическое явление, как полагает автор, а один из видов эмоций. Аффект не выражается в конкретных эмоциональных состояниях, а сам является таким состоянием. При этом можно даже опустить тот факт, что в психологии различают эмоции и эмоциональные состояния. И наконец, аффект не сопровождается видимыми измене-

ниями в сознании. Сознание — это вид психики (т.е. внутренней деятельности), это способ отражения объективной реальности, свойственный человеку [15]. Как и любой вид психики, сознание обладает свойством субъективности, т.е. никто не может «видеть», что происходит в сознании человека, это доступно только самому субъекту.

Второе определение, данное А.В. Коломиной, касается понятия «правовой аффект». Указанный автор пишет: «...правовой аффект — это не какое-то конкретное эмоциональное состояние, а совокупность юридически значимых эмоциональных состояний, отвечающих вполне определенным требованиям» [14, с. 9]. Такое толкование уголовно-правового аффекта не только не помогает уяснить его суть, но и, напротив, усложняет его понимание, поскольку аффект трактуется не как один из видов эмоций, а как целая совокупность эмоциональных состояний. При этом непонятно, что входит в перечень данных состояний.

Прогресс в научном исследовании аффекта достигим только при условии применения экспериментальных методик. В ситуации моделирования преступления можно выявить искомые объективные факторы, «метки аффекта», которые затем можно было бы использовать в целях экспертного исследования. Это доказано, в частности, при экспериментальном моделировании некриминальных аффектов [16]. Однако искусственное моделирование криминального аффекта не оправдано ни этически, ни нормативно. В силу этого в настоящее время, например, тяжесть оскорблений и степень их воздействия на личность предпочитают измерять не экспериментальным путем, а средствами лингвистического анализа [17; 18].

Резюмируя, можно сказать, что изменение редакции ст. 107 УК РФ в описанном выше направлении усилит виктимологическую составляющую Уголовного кодекса, поскольку будет ориентировать потенциальных жертв, действительно правильно социально ориентированных, у которых спровоцируют аффект, выбирать общественно одобряемое поведение после совершения убийства в состоянии аффекта. Кроме того, уголовный закон перестанет снисходительно относиться к тем, кто своим поведением после совершения аффектированного убийства доказывает антиобщественную направленность своей личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Преступность, уголовная политика, закон / под ред. А.И. Долговой. — М. : Рос. криминол. ассоц., 2016. — 553 с.
2. Sherman B.L.W. Increased death rates of domestic violence victims from arresting vs. warning suspects in the Milwaukee Domestic Violence Experiment (MilDVE) / B.L.W. Sherman, H.M. Harris // *Journal of Experimental Criminology*. — 2014. — Vol. 11, iss. 1. — P. 1–27.
3. Рыбальская В.Я. Методика изучения личности потерпевшего по делам о несовершеннолетних : учеб. пособие / В.Я. Рыбальская. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1975. — 75 с.
4. Рыбальская В.Я. О виктимологическом направлении профилактики преступности несовершеннолетних / В.Я. Рыбальская // *Виктимология и профилактика правонарушений* : сб. науч. тр. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1979. — С. 66–71.
5. Элоян С.А. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в состоянии аффекта / С.А. Элоян // *Успехи современного естествознания*. — 2011. — № 8. — С. 253–254.
6. Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого : метод. рекомендации для экспертов / под ред. Т.Б. Дмитриева, Е.В. Макушкина. — М. : Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского, 2012. — 44 с.
7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. — Тула : Автограф, 2001. — Т. 1. — 800 с.
8. Moral emotions and offending: Do feelings of anticipated shame and guilt mediate the effect of socialization on offending? / R. Svensson, F.M. Weerman, U.J. Pauwels, G.J.N. Bruinsma, W. Bernasco // *European Journal of Criminology*. — 2013. — № 10. — P. 22–40.
9. Чугунов А.А. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Чугунов. — М., 2008. — 193 с.
10. Сысоева Т.В. Убийство, совершенное в состоянии аффекта (уголовно-правовые и виктимологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.В. Сысоева. — Екатеринбург, 2000. — 23 с.
11. Turanovic J.J. «Can't stop, won't stop»: self-control, risky lifestyles, and repeat victimization / J.J. Turanovic, T.C. Pratt // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2014. — № 1. — P. 29–56.
12. Колдин В.Я. Вызовы времени и экспертно-криминалистические технологии правоприменения / В.Я. Колдин // *Научные труды. Российская академия юридических наук* / редкол.: А.К. Голиченков [и др.]. — М. : Юрист, 2015. — Вып. 15. — С. 1262–1265.
13. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза / Ф.С. Сафуанов. — М. : Юрайт, 2014. — 421 с.
14. Коломина А.В. Аффект в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Коломина. — Волгоград, 2006. — 18 с.
15. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. — М. : Политиздат, 1975. — 304 с.
16. Panagopoulos C. Affect, social pressure and prosocial motivation: Field experimental evidence of the mobilizing effects of pride, shame and publicizing voting behavior / C. Panagopoulos // *Political Behavior*. — 2010. — Vol. 32, iss. 3. — P. 369–386.
17. Olson J.M. The (null) effects of exposure to disparagement humor on stereotypes and attitudes / J.M. Olson, G.R. Maio, K.L. Hobden // *Journal of Politeness Research*. — 1999. — № 2. — P. 193–216.
18. Abel M.H. Mediation and moderation in ratings of hostile jokes by men and women / M.H. Abel, J. Flick // *Journal of Politeness Research*. — 2012. — № 2. — P. 193–216.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. (ed.). *Prestupnost', ugovornaya politika, zakon* [Crime, Criminal Policy, Law]. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2016. 553 p.
2. Sherman B.L.W., Harris H.M. Increased death rates of domestic violence victims from arresting vs. warning suspects in the Milwaukee Domestic Violence Experiment (MilDVE). *Journal of Experimental Criminology*, 2014, vol. 11, iss. 1, pp. 1–27.
3. Rybal'skaya V.Ya. *Metodika izucheniya lichnosti poterpevshego po delam o nesovershennoletnikh* [Methodology of Examining the Personality of the Victim in Cases Involving Minors]. Irkutsk State University Publ., 1975. 75 p.
4. Rybal'skaya V.Ya. On the victimological vector of preventing underage crimes. *Viktimologiya i profilaktika pravonarushenii* [Victimology and Crime Prevention]. Irkutsk State University Publ., 1979, pp. 66–71. (In Russian).
5. Eloyan S.A. Issues of qualifying crimes committed in the state of affect. *Uspеhi sovremennogo estestvoznaniya = Advances in Current Natural Sciences*, 2011, no. 8, pp. 253–254. (In Russian).
6. Dmitrieva T.B., Makushkina E.V. (eds). *Sudebno-psikhologicheskie ekspertnye kriterii diagnostiki affekta u obvinяemogo* [Psychological forensic examination criteria for the state of affect of the accused]. Moscow, Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry Publ., 2012. 44 p.
7. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovornoe pravo. Chast' obshchaya* [Russian Criminal Law. General Part]. Tula, Avtograf Publ., 2001. Vol. 1. 800 p.
8. Svensson R., Weerman F.M., Pauwels U.J., Bruinsma G.J.N., Bernasco W. Moral emotions and offending: Do feelings of anticipated shame and guilt mediate the effect of socialization on offending? *European Journal of Criminology*, 2013, no. 10, pp. 22–40.
9. Chugunov A.A. *Otvetsvennost' za ubijstvo, sovershennoe v sostojanii affekta. Kand. Diss.* [Liability for murder committed in a state of affect. Cand. Diss.]. Moscow, 2008. 193 p.
10. Sysoeva T.V. *Ubijstvo, sovershennoe v sostojanii affekta (ugolovno-pravovye i viktimologicheskie aspekty). Avtoref. Kand. Diss.* [Murder in a state of affect (criminal law and victimological aspects). Cand. Diss. Thesis]. Yekaterinburg, 2000. 23 p.
11. Turanovic J.J., Pratt T.C. «Can't stop, won't stop»: self-control, risky lifestyles, and repeat victimization. *Journal of Quantitative Criminology*, 2014, no. 1, pp. 29–56.
12. Koldin V.Ya. Challenges of the time and forensic technologies of law enforcement. In Golichenkov A.K. et al. (eds). *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk* [Research Works. Russian Academy of Legal Sciences]. Moscow, Yurist Publ., 2015, iss. 15, pp. 1262–1265. (In Russian).

13. Safuanov F.S. *Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza* [Psychological Expertise in Court in Criminal Process]. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 421 p.
14. Colomina A.V. *Affekt v prave. Avtoref. Kand. Diss.* [The state of affect in law. Cand. Diss. Thesis]. Volgograd, 2006. 18 p.
15. Leontiev A.N. *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 304 p.
16. Panagopoulos C. Affect, social pressure and prosocial motivation: Field experimental evidence of the mobilizing effects of pride, shame and publicizing voting behavior. *Political Behavior*, 2010, vol. 32, iss. 3, pp. 369–386.
17. Olson J.M., Maio G.R., Hobden K.L. The (null) effects of exposure to disparagement humor on stereotypes and attitudes. *Journal of Politeness Research*, 1999, no. 2, pp. 193–216.
18. Abel M.H., Flick J. Mediation and moderation in ratings of hostile jokes by men and women. *Journal of Politeness Research*, 2012, no. 2, pp. 193–216.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Будякова Татьяна Петровна — заведующий кафедрой психологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, кандидат психологических наук, доцент, г. Елец, Российская Федерация; e-mail: budyakovaelez@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Budjakova, Tatjana P. — Head, Chair of Psychology, Bunin Yelets State University, Ph.D. in Psychology, Ass. Professor, Yelets, the Russian Federation; e-mail: budyakovaelez@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Будякова Т.П. Виктимологическое уточнение действующей редакции статьи 107 УК РФ / Т.П. Будякова // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 2. — С. 380–387. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).380-387.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Budjakova T.P. Victimological adjustment of the current version of Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 380–387. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).380-387. (In Russian).